

ТАТЬЯНА БОЧАРОВА

ЧЕРНОЕ ОБЛАКО ДУШИ

Татьяна Александровна Бочарова
Черное облако души
Серия «Детектив сильных
страстей. Романы И. Бачинской»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63968996
Черное облако души: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-118708-8

Аннотация

Надежда Сергеевна и Никита Кузьмич давно на пенсии. Дети разъехались, и жизнь проходит скучно и однообразно: дом, телевизор, дача. Супруги уже хотят завести собачку, чтобы она скрашивала серые будни, но в один прекрасный день в их дверь звонит веселая девчонка по имени Влада и объявляет старикам радостную новость: она не кто иная, как внучка Никиты Кузьмича! Когда-то давно у него в командировке был роман с некоей Марией, она родила дочь, а та в свою очередь – Владу. Поначалу старики ошарашены таким известием, но обаятельной девушке удастся завоевать их доверие и стать настоящим светом в окошке. Однако эта идиллия продолжалась недолго...

Содержание

1	5
2	8
3	14
4	20
5	35
6	43
7	48
8	52
9	57
10	66
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Татьяна Бочарова

Черное облако души

© Бочарова Т., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

1

«Я смотрю в окно и вижу окружающий мир, а вернее, его кусочек. Ровно столько, сколько позволяет пыльное оконное стекло. Вон слева высокая береза, ее ствол тянется далеко вверх, где-то там, на уровне самых последних этажей, ее крона, множество ветвей и листьев. Мне с первого этажа виден только ствол – могучий, круглый, покрытый серой корой с чёрными крапинами. Под этим стволом чего только не происходит: играют ребятишки, пьяницы распивают поллитровку, старушки-сплетницы обсуждают жильцов, собачки задирают лапу, справляя нужду.

Я люблю березу, точнее, ее основание. Люблю чахлый кустик жасмина напротив подъезда. Мне ужасно хочется полить его, чтобы он перестал сохнуть, расправил листочки, выпустил бутоны. Но, увы, я не могу этого сделать, как не могу пройти по тенистому дворику и выйти на дорогу, по которой мчатся автомобили. Я знаю, они не такие, как прежде, во времена моей юности. Тогда пределом мечтаний была «Волга», ну или «Чайка» – на ней ездили исключительно важные персоны. А теперь машин великое множество, одна другой красивей. Я вижу их на парковке, позади детской площадки. Там стоят разноцветные, блестящие новенькие автомобили и терпеливо дожидаются своих хозяев. А мне ужасно хочется взглянуть, как они несутся по шоссе – стремительно, как

птицы, мелькая колёсами, сверкая огоньками.

Но до шоссе далеко – много-много шагов, а я не могу сделать ни одного. Поэтому мне остаётся лишь сидеть у окна и мечтать, что однажды случится чудо и я буду ходить. Смогу самостоятельно выйти во двор и полюбоваться на крону берёзы, полить увядающий жасмин, дойти до дороги. Ведь никто не может запретить человеку мечтать!

Иногда, впрочем, бывает праздник и на моей улице. Дверь комнаты раскрывается, и на пороге возникает Галка. У неё смеющиеся глаза, красные щеки и крутые завитки волос над лбом. В руках она неизменно держит связку бананов – золотистых, перезрелых, с чёрными крапинками. Галка почему-то считает, что есть можно только такие бананы, чуть подгнившие, а чистые – значит неспелые. Галка кладёт бананы на стол, вывозит из коридора старенькую коляску, сажает меня в неё, и мы едем вниз. Колёса весело поскрипывают. Пандусов в нашем доме нет, и Галка аккуратно перемещает коляску со мной со ступеньки на ступеньку. Всего их пять, и ура – мы на улице.

Дует тёплый ветерок, наполняя кислородом мои скукожившиеся лёгкие. Вокруг целое море звуков и запахов. Я задираю голову и вижу листья берёзы. Они шумят на ветру, колышутся, о чем-то шепчутся друг с другом. Галка весело щебечет, рассказывая о том, что было сегодня в школе. Я стараюсь слушать ее, но у меня получается с трудом. Я жадно и ненасытно впитываю окружающий меня мир – не его кло-

чок, а целый мир, без границ. Я знаю, следующий раз наступит не скоро. А зимой и вовсе ничего этого не будет: много снега, холодно. Галка не может одевать меня и толкать коляску по сугробам. Остаётся ждать весны.

Но я не унываю. Я сижу у окна и вяжу варежки, носки, шарфики и свитера. Иногда забавные игрушки – зайчиков, мишек, слонят. Мелькают спицы, вытягивая петельки – раз-два, раз-два. Клубок, лежащий на подоконнике, крутится и уменьшается. А за окном идёт жизнь – то дождь, то снег, то листопад. Не успеешь оглянуться – а она уже подходит к концу... Раз-два, раз-два, две лицевых и изнаночная...»

Никита Кузьмич с утра был не в духе. Ночью во сне он так неудачно повернулся, что у него прострелило бок. С трудом поднявшись с постели, он, крихтя, прошаркал в ванную, умылся холодной водой и с отвращением заглянул в зеркало. Ну и рожа! Под глазами морщины, седые волосы всклокочены, в глазах застыло выражение адской скуки.

В дверь постучали.

– Никитка, ты что там, уснул? – крикнула Надежда Сергеевна. – Завтрак готов.

– Иду, – ворчливо ответил Никита Кузьмич и снова покоился на своё отражение. Он покачал головой, смачно плюнул и, повесив полотенце на крючок, вышел в коридор.

В кухне было тепло и уютно, вкусно пахло сырниками. Никита Кузьмич, охая и стеная, с превеликим трудом опустился на табурет, покрытый цветастой подушкой.

– Что с тобой? – ласково спросила Надежда Сергеевна, ставя перед ним тарелку, на которой в сметане лежали румяные, поджаристые сырники, ровно пять штук.

– Да спину потянул, будь она неладна, – пожаловался Никита Кузьмич. – Ни повернуться, ни вздохнуть.

– Ах ты, болезный мой, – сочувственно произнесла Надежда Сергеевна. – Ну покушай, а я после разотру тебя пчелиным ядом. Кушай, кушай. – Она присела напротив, с при-

страстием глядя на мужа.

Никита Кузьмич вздохнул и взялся за вилку. Есть ему совсем не хотелось, но, если отказаться, Надя станет переживать. У неё ведь единственная радость – целый день торчать у плиты. Готовит как в ресторане: то мясо по-французски, то курица по-польски, то торт испечёт, да такой, что язык можно проглотить. Одна беда – без надобности это все Никите Кузьмичу. Он с юности привык питаться просто и ограниченно, потому и фигура к старости такая, какой и у многих сорокалетних нет – плоский живот, поджарые бедра, ни грамма лишнего жира. Он бы вполне удовлетворился гречкой на завтрак и борщом на обед, а ужин традиционно отдал бы врагу. Но нет – тут тебе и сырники, и ватрушки, и плюшки, и прочая фигня, от которой слабеют мышцы, кости и ткани становятся рыхлыми, и вот уже тянет бок, шею, крестец...

– Батюшка, ты что не кушаешь? – Надежда Сергеевна смотрела на него с укоризной. Позади неё на подоконнике так же укоризненно раскинул колючие ростки столетник, словно руками развёл в негодовании.

– Я ем, матушка. – Никита с досадой обмакнул сырник в сметану и отправил его в рот, затем другой. – Все. Сыт. Благодарствую.

– Да как же сыт, когда ещё полная тарелка? – расстроилась Надежда Сергеевна. – Ну хоть ещё один!

– Нет, – твёрдо произнёс Никита Кузьмич. – Лучше чаю

мне налей.

Надежда Сергеевна послушно поднялась, налила в красивый голубой бокал кипятку, кинула туда пакет с заваркой.

– Лимончик положить?

– Положи.

После завтрака Надежда Сергеевна тщательно растерла спину и бока Никиты Кузьмича мазью с пчелиным ядом, затем закутала его своей шерстяной шалью и велела лежать пару часов. Никита Кузьмич лежал на диване с видом мученика, смотрел нудную передачу по телевизору, и ему было отчаянно скучно. Наконец он решительно щёлкнул пультом и крикнул:

– Надюша!

– Что, папулечка? – ласково отозвалась та и заглянула в комнату. Руки у неё были по локоть в муке.

– Опять плюшки? – Никита Кузьмич нахмурил седые кустистые брови. – Заканчивай ты с этим, мать. Сколько, ей-богу, можно!

– Да что ещё делать, Никитушка? – растерянno произнесла Надежда Сергеевна. – Все какой-то интерес.

– Глупости это, а не интерес, – буркнул Никита Кузьмич. – Давай, что ли, на дачу завтра поедем?

– Так как поедем, батюшка, если ты нездоров? – Надежда Сергеевна всплеснула руками. – А ну как окончательно надорвёшься? Не ровен час, в больницу загремишь.

– Не надорвусь. – Никита Кузьмич решительно сел и тут

же скорчился от боли.

Надежда Сергеевна бросилась к нему.

– Вот видишь! Разве можно? Тебе покой нужен и тепло. А я завтра доктору позвоню, Андрей Иванович. Пусть приедет, поглядит тебя.

– К черту доктора, – Никита осторожно спустил ноги с дивана. – Ай! Черт бы побрал этот бок. Уй-уй-уй. – Кряхтя и охая, он побрел в кухню. Достал с полки бутылку коньяку, плеснул в рюмку, с шумом втянул носом воздух и выпил залпом.

– Зря ты, Никитушка, – неуверенно проговорила Надежда Сергеевна, входя за ним следом. – Зря. Давление подскочит.

– Да хоть и подскочит, – сердито огрызнулся Никита Кузьмич. – Надоело трястись над собой, как над писаной торбой. Скажи лучше, Колька звонил сегодня?

– Звонил. – Надежда Сергеевна опустила голову.

– Врешь ведь. – Он налил ещё стопку.

– Не вру, звонил он. Правда, не сегодня – позавчера.

– Позавчера... – Никита Кузьмич залпом выпил. – Праздник на нашей улице.

– Зря ты так. – Надежда Сергеевна вздохнула и принялась с остервенением месить тесто. – Зря.

– Не зря, и ты это не хуже меня понимаешь.

– Просто ему некогда, Коленьке. Сам знаешь, работа у него. Дела.

– Но позвонить-то матери можно? – Никита Кузьмич по-

дошёл к жене и осторожно положил руку ей на плечо. – Разве для этого много времени нужно?

– Не нужно, – прошептала Надежда Сергеевна. – Да ты не злись на него, батюшка. Завтра, даст бог, на дачу поедем. Костерок зажжем, я колбаски пожарю. Чего тебе Коля? У него своя жизнь, у нас своя.

– У него своя, у Алки своя. Мы детей своих раз в полгода видим. И слышим примерно так же.

Никита Кузьмич отнюдь не сгушал краски. Дочь Алла сразу после института укатила в Германию на стажировку, благо у отца были на это средства. Там она и осела: устроилась на хорошую работу, вышла замуж за немца и родила сына, которого назвала Рудольф, что для русского уха звучало слишком похоже на Адольф, а потому вызывало высшую степень неприязни и отторжения. Приезжала она в Москву редко, раз в год, правда, исправно звонила по скайпу, но разговоры эти как-то не клеились, были скучными и натянутыми.

Сын же Николай жил совсем рядом, в соседнем районе. Он рано женился, наплодил двоих детей и тут же развёлся. Невестка с бывшими свекрами отношения не поддерживала, внуков им не привозила. Сам же Колька вёл привольный образ жизни – менял баб, как перчатки, ездил на горнолыжные курорты, тусовался по клубам. Престарелых родителей вниманием не баловал, а если и заявлялся в гости, то в основном за материальной помощью. Никита Кузьмич на детей сердился, но все равно любил их и в глубине души надеялся,

что когда-нибудь все изменится и семья вновь воссоединится...

Надежда Сергеева вздохнула и ласково потрепала мужа по волосам.

– У всех так, Никитушка, – постаралась утешить она его. – Они же знают, что мы вместе, вдвоём, нам не скучно.

– Скучно! – Никита Кузьмич рубанул ладонью по столу так, что тазик с тестом подпрыгнул и съехал в сторону. – Скучно нам! Приехали бы в гости! Съели бы твои плюшки! Посидели бы, чайку попили, а потом погуляли.

– Не кипятись, дружок. – Надежда Сергеевна ласково погладила его по щеке. – На что они тебе? Вырастили, учили, и слава богу. Давай вот я тебе картошечки горячей с маслом положу? Давай?

– Ну давай. – Никита Кузьмич обречённо опустил на стул.

Назавтра ему стало легче настолько, что он без труда сел за руль своего старенького «Шевроле» и покатил с Надеждой Сергеевной на дачу.

Супруги Авдеевы всегда жили в достатке. Никита Кузьмич до пенсии занимал высокий пост директора ликероводочного завода. Большая часть его карьеры пришлась на советское время. Ни супруга его, ни дети ни в чем не знали отказа. Все блага той эпохи – кооперативная трехкомнатная квартира, фирменная заграничная одежда, продукты, бывшие для обычных людей дефицитом, а ещё новенькая «Волга» и фундаментальный кирпичный дом-дача – были доступны их семейству. Они ежегодно ездили к морю, отдыхали в элитных подмосковных санаториях, лечились на водах.

Никита Кузьмич характер имел крутой, но, несмотря на это, был любимцем у подчинённых. Жесткий, хваткий, деловой, он обладал всеми качествами прирожденного руководителя. Именно они помогли ему в 90-е удержаться на плаву. Его завод не закрылся, подобно сотням других, перестроился, нашёл каналы сбыта, отыскал поставщиков и стал процветать. Никите Кузьмичу в ту пору шёл шестой десяток. Он был здоров как бык, мотался по командировкам, помогал выросшим детям материально. А в свободное время достраивал дачку, перекраивая ее на современный лад: сделал там и

гостиную с камином, и бассейн, и зону барбекю, и даже маленькое футбольное поле, на котором гости могли погонять мяч.

Все бы и дальше шло отлично, если бы не грянул гром среди ясного неба: случился у Никиты инфаркт – неожиданно, подло, коварно, когда ничто не предвещало беды. Сидел за столом, вёл совещание и внезапно почувствовал острую боль в груди, затошнило, зазеленело перед глазами. Никита Кузьмич скрипнул зубами: «Продержаться бы ещё минут пять, закончим, и к доктору». Но продержаться не удалось – кабинет вдруг поглотили сумерки, а потом наступила полная тишина. Очнулся Никита в реанимации, рядом сидели заплаканная Надежда Сергеевна и дети. Поначалу он не понимал, насколько все серьезно, все норовил встать с кровати: за завод беспокоился, там как раз выгодный контракт назревал, нужно было не зевать. Но врач – пожилой, седой профессор-кардиолог – все ему быстренько объяснил: мол, все важные дела закончились, теперь только кушать, спать да гулять во дворе, а не то следующий контракт не в этом мире придётся подписывать.

Для Никиты Авдеева это стало ударом. Сильный, крепкий мужчина, надежда и опора семьи, любимец женщин, он в одночасье превратился в инвалида, боящегося сделать лишнее движение. Да что там движение – и дышать-то глубоко поначалу было страшно! Надежда Сергеевна после выписки квохтала над ним, как наседка: не разрешала вставать, носила

еду в постель, кутала в шарфы и свитера, пичкала лечебными травами. А Никита медленно умирал. Нет, не от сердца – его врачи починили, а от не востребоованности и непривычного безделья. Никогда не сидевший дома, он безмерно тяготился пребыванием в четырёх стенах, требовал телефон, пытался звонить на работу, давать указания. Но бедное заштопанное сердце не хотело больше трудиться: болело, щемило, кололо и норовило остановиться. Одна за другой приезжали «Скорые», делали уколы, кардиограммы. Надежда Сергеевна отключила телефоны и увезла мужа в санаторий – надолго, на три месяца. Там, гуляя по лесным дорожкам, купаясь в серной ванне и попивая вечерний кефир, он немного успокоился и смирился. Перестал дёргаться, начал смотреть телевизор, читать книги, словом, вошёл в ритм жизни пенсионера.

Надо отдать должное Надежде Сергеевне – она целый год выхаживала мужа. Сделала все возможное, чтобы смертельная опасность, нависшая над ним, миновала. Через год тот же седой профессор осмотрел Никиту и удовлетворенно покивал:

– Все хорошо, дорогой мой. Сердце ваше в полном порядке. Можете прибавить активности. Займитесь ходьбой, плаванием.

– А на работу? – робко спросил Никита Кузьмич. – Можно на работу выйти? Хотя бы не на полный день.

Врач насупил густые брови:

– О работе даже не думайте! Живите, как все с вашим

диагнозом. И скажите спасибо супруге...

Так и пошло. Надежда Сергеевна вскоре тоже уволилась и засела дома, ухаживать за мужем. В деньгах они не нуждались: за жизнь удалось скопить приличную сумму, которая теперь лежала в банке и давала неплохие проценты. Супруги путешествовали, ездили на дачу, иногда принимали у себя друзей. Вот только с внуками не сложилось. Надежда Сергеевна относилась к этому философски, а Никита Кузьмич обижался. Он так и не притерпелся к роли пенсионера, жизнь казалась ему пустой и скучной, пресной, как бессолевая диета. И даже поездки на дачу не сильно радовали.

Надежда Сергеевна, напротив, фазенду любила. Развела всякие цветочки-ягодки, хлопотала на грядках, делала заготовки. Вот и в этот раз она с увлечением орудовала секатором, отрезая засохшие ветки разросшегося у беседки шиповника. А Никита Кузьмич сидел в удобном кресле-качалке на веранде и с грустью смотрел на увитый девичьим виноградом забор. Он вспоминал молодость. Как было здорово – каждый день, как бой, кипучий, огневой, полный стрессов и побед! Эх, где теперь его адреналин? Куда делся? Собаку, что ли, завести, как посоветовал недавно близкий друг. «Заведи пса, Кузьмич, большого, серьезного. Будешь его любить, а он тебя. Глядишь, и депрессия отступит. Собаки, они лучше людей, поверь». Никита Кузьмич представил, как у его ног лежит огромный чёрный дог, с блестящей шерстью и умными глазами-бусинами. Можно назвать его как-нибудь

аристократично – Байрон, например. Или Лорд...

– Никитка, иди, помоги мне костёр разжечь! – крикнула Надежда Сергеевна, Никита поднялся и пошёл разводить огонь. Потом они сидели за уютным плетёным столиком, ели поджаристые колбаски и печёную картошку, пили душистый чай с листьями смородины. Никита Кузьмич все думал про собаку.

– А что, Надюш, если нам пса завести? – спросил он у жены.

– Пса? – Она поставила чашку и с удивлением взглянула на него. – Какого? У Тони вот йорк живет, миленький такой. Может, его?

– Да ну твою Тоню, – сердито отмахнулся Никита. – Йорк разве собака? Тьфу, одно название. Я настоящего пса хочу. Дога, например. Или ротвейлера.

– Ох, батюшка, это сколько ж мяса ему нужно! А грязи-то будет, наверное. – Надежда Сергеевна сокрушенно помотала головой. Затея мужа ей явно была не по душе.

– Ну как знаешь, – обиделся Никита. Однако он знал, что жена в конечном счете с ним согласится. Так оно и вышло.

– Да я что, я разве против? – засустилась Надежда Сергеевна. – Хочешь дога, давай дога. Только где ж мы его возьмём?

– Я Сашке Куролесову позвоню, он нам щенка привезёт. Даже нескольких, на выбор.

Сашка Куролесов был давнишним другом Никиты Кузь-

мича, одним из тех немногих, которые не исчезли после того, как он отстранился от дел. Несмотря на разницу в возрасте — Куролесов значительно моложе, — они всегда находили общий язык. Сашка был счастливо женат, имел двоих несовершеннолетних детей, трудился на заводе в должности начальника одного из цехов и вот уже несколько лет занимался в качестве хобби собаководством.

— Как скажешь, папочка, — покладисто согласилась Надежда Сергеевна и принялась собирать со стола грязную посуду.

Сказано – сделано: в тот же вечер Никита позвонил Куролесову. Договорились, что на завтра в шесть тот подъедет с тремя щенками. Надежда Сергеевна по этому поводу испекла пирог с луком и налепила вареников.

С самого утра Никита Кузьмич пребывал в приподнятом настроении. Он устроил в углу в гостиной лежанку для щенка, заказал в Интернете поводок, корм и прочие атрибуты собачьего быта. Без пяти шесть раздался звонок в дверь.

– Приехал! – радостно провозгласил Никита Кузьмич и собственной персоной отправился в прихожую открывать.

Щелкнул замок. Никита распахнул дверь и замер в удивлении: перед ним стояла незнакомая, совсем юная девушка довольно высокого роста. Одета она была в длинное, до пят, джинсовое платье с цветными вставками и крошечную кожаную курточку. За плечами висел большой холщовый рюкзак. На свежем розовом личике весело поблескивали зеленые глаза. Но главное – ее волосы! Невероятная кудрявая грива ярко-рыжего цвета. Никите показалось, что он попал в детский мультфильм, настолько нереальной и сказочной была стоящая перед ним незнакомка.

– Вы к кому? – в недоумении уставился он на девушку.

– Мне нужен Никита Кузьмич Авдеев. – Голос у нее был дивной красоты – грудной, мелодичный, словно окутываю-

щий мягкой вуалью.

– Это я. – Никита окинул девушку ещё более удивлённым взглядом. – Что вы хотели?

– Можно я войду? – довольно бесцеремонно поинтересовалась рыжая.

– Ну... входите, – растерянно пробормотал Никита Кузьмич и отодвинулся в сторону,пуская незваную гостью в прихожую.

– Никит, вы что в коридоре... – Надежда Сергеевна вышла из кухни и осеклась. – Это кто?

– Я сейчас вам все объясню. – Рыжая захлопнула дверь, быстро скинула матерчатые кеды и осталась стоять посреди прихожей в полосатых красно-желтых носках. – Вы только не пугайтесь. – Она взглянула на Надежду Сергеевну и сняла рюкзак.

– Что такое? В каком смысле не пугайтесь? – та слегка побледнела и на всякий случай взяла мужа за локоть.

– В прямом. То, что я скажу, возможно... будет не слишком приятно для вас.

– Да говорите же, черт возьми! – вскипел Никита Кузьмич. – Быстрее, или я выставлю вас вон.

– Дело в том, что я... я – ваша внучка! – Рыжая выпалила это одним махом, словно в воду нырнула.

– Кто?? – хором воскликнули Никита Кузьмич и Надежда Сергеевна.

– Внучка, – спокойно повторила девушка. – Никита Кузь-

мич мой дедушка.

– Да что ты врешь, бесстыдница! – Надежда Сергеевна схватилась за сердце. – Ступай отсюда с богом. Никита, выдвори ее.

– Погодите. – Рыжая сделала протестующий жест рукой и полезла в рюкзак. – Вот. – Она протянула супругам какой-то листок, при рассмотрении оказавшийся бланком свидетельства о рождении, весьма потертым и помятым. – Видите, Свиристелкина Влада Леонардовна. Это я. А моя мать – Свиристелкина Анна Петровна.

– Ну и что? – угрюмо спросил Никита Кузьмич. – Какое это имеет ко мне отношение?

– Самое прямое. Моя мать не была замужем. Свиристелкина – ее девичья фамилия, и тоже по матери. Вы ведь помните Марию Свиристелкину? Помните? Вы были в командировке, в М. И у вас... – Она не договорила и, покосившись на Надежду Сергеевну, многозначительно хмыкнула.

Та, выпустив локоть Никиты Кузьмича, отступила на шаг и уперла руки в боки. Вид ее не предвещал ничего хорошего.

– Никит, что она несёт, эта вертихвостка? Какая ещё Свиристелкина?

Никита Кузьмич молчал, мрачно разглядывая тапочки.

– Вы должны ее помнить – Мария Свиристелкина. Она была пианисткой, играла на рояле в ресторане. Она любила вас. Когда вы уехали, у неё родилась дочь, Аня. Это моя мать. Ее уже два года как нет на свете. А бабушка умерла со-

всем недавно, месяц назад. Она всю жизнь рассказывала мне о вас. Так получилось, что в нашей семье не было мужчин. Мать росла без отца, я тоже. И вот мне захотелось исправить это. – Рыжая наконец умолкла и вопросительно уставилась на Никиту. Тот почувствовал, как багровеют кончики ушей.

– Так, – грозно проговорила Надежда Сергеевна. – Вот что, «внученька»! Шла бы ты отсюда подобру-поздорову. А нет – так я полицию вызову в два счета. Думаешь, мы старые, совсем из ума выжили? Мало ли вас тут ходит таких родственничков, объегоривают доверчивых пенсионеров. Ступай, тебе говорят, по-хорошему.

– Я не собираюсь вас объегоривать, – спокойно произнесла девушка. – Просто хотела взглянуть на деда. Бабушка про него столько хорошего рассказывала...

– Да замолчи ты! – не сдержавшись, крикнула Надежда Сергеевна. – Какой он тебе дед! Уезжай себе в М. и не суйся сюда больше.

– Надя, послушай, – неуверенно произнёс Никита Кузьмич, – погоди. Ну что ты так сразу...

– Я? А ты что? Хочешь сказать, что она правду говорит? Про Свиристелкину? – тут же пошла в атаку Надежда Сергеевна. Никита понял, что лучше с ней сейчас не спорить, да и самому было неловко и стыдно.

...Вишь ты, откуда прилетело, откликнулось. Мария Свиристелкина, Маша. Помнил ли он ее? Да, разумеется, как не помнить. Давно это было, ох, давно. Лет за пятнадцать до ин-

фаркта треклятого. Был Никита в очередной командировке, в городе М. Прорабатывал хороший контракт, жил в лучшей гостинице, обедал в ресторанчике при отеле. Там и встретил Машу – она по вечерам на рояле играла, развлекала публику. Вся такая неземная, худенькая, в блестящем платье до пола, с длинными, как у русалки, волосами. Никита, словно замороженный, часами глядел на ее пальцы, порхающие по клавишам. Наконец не выдержал, встал и подошёл к роялю.

– Скажите, вы замужем?

Она, не переставая играть, удивлённо подглядела на него. Глаза у неё были неопределённого, дымчатого цвета, как ночь, полная любви.

– Нет. А почему вы спрашиваете?

– Спрашиваю, значит, нужно. – Никита почувствовал, как его переполняют радость и молодой, отчаянный задор.

В командировках у него не раз бывали романы, мимолетные, быстрые и красивые. Никита любил женщин, и не какой-то определенный тип, а разных – блондинок, брюнеток, шатенок, стройных и полненьких. Главное, чтобы были стоворчивые и весёлые, не доставали потом звонками и письмами. Однако сейчас с ним происходило что-то совсем другое. Сердце отчаянно стучало в груди, к лицу прилила кровь.

– Когда вы освобождаетесь? – спросил он у девушки, и не узнал своего голоса, охрипшего и прерывистого.

– Не скоро, – просто сказала она, – ресторан до одиннадцати, а сейчас только девять.

– Ничего. Я подожду. – Он осторожно дотронулся до ее волос и тут же отдернул руку, точно она могла от прикосновения растаять и исчезнуть. – Я буду ждать, – повторил он тверже и пошёл, не оглядываясь, к своему столику.

Он пил коньяк и слушал звуки рояля. Ему казалось, она играет для него одного, столько нежности и страсти было в этих звуках, столько силы в хрупких пальчиках. То ли от избытка алкоголя, то ли отчего-то ещё, неведомого прежде, на глаза Никиты навернулись слёзы...

Он дождался одиннадцати и увёл ее в лунную осеннюю ночь, накинув ей на плечики дешевое пальтишко. Она не сопротивлялась, не спорила. Сказала только: «В номер не пойду, увидят, уволят с работы». Молча села в такси, послушно назвала адрес, так же молча вышла у подъезда старенького трехэтажного дома. Ее квартирка оказалась скромной, чистенькой и такой крошечной, что у Никиты снова сжалось сердце от щемящей нежности.

– Как тебя зовут?

– Маша. А вас?

– Никита... Никита Кузьмич. – Он сам не знал, зачем прибавил отчество.

Глупо. Глупо и совестно. А сердце продолжало колотиться, нашептывая: «Вот, вот оно, счастье. Настоящее, то, о котором мечтает каждый. Счастье мое, с дымчатыми глазами». Он робко обнял ее. Она на мгновение прижалась к нему, доверчиво, всем телом, потом слегка отстранилась.

– Вы женаты?

Обычно Никита никогда не врал. Зачем? Надю он любил и никогда бы не бросил. Он предпочитал сразу расставить точки над «и»: семья – это одно, а мимолетный роман – совсем другое. Но сейчас слова застряли у него в горле. Глядя в ее бездонные, манящие глаза, он молчал, сглатывая невесть откуда взявшуюся слюну. Она смотрела на него с ожиданием, и он наконец мотнул головой:

– Нет. В разводе.

– Неправда, – тихо шепнула она. – Я не верю вам. Впрочем... это не важно. По крайней мере сейчас. – Она положила руки ему на плечи.

Все вокруг задрожало и начало уплывать. В ушах звучала музыка из ресторана, превращая реальность в сказочный, волшебный сон...

Никита очнулся от воспоминаний и пристально поглядел на рыжую гостью, застывшую посреди прихожей. Ничего похожего с Машей, ни одной черточки. И лицо, и фигура – все другое. Та была хрупкая, нереальная, как беззвездная, призрачная ночь. А девушка, стоящая сейчас перед ним, выглядела солнечной, спелой и сочной, как свежий апельсин. Никита Кузьмич почувствовал, как на плечи давит каменная глыба, тяжело, страшно. Нет сил на дурацкие воспоминания. И Надя не поймёт.

– Супруга права, – тихо, но спокойно проговорила он, глядя прямо в зелёные глаза девицы. – Вам лучше уйти. Я... я

не знаю никакой Марии Свиристелкиной. Ступайте.

– Жаль. – Рыжая тряхнула кудрями. – Я думала, мы подружмся. Что ж, прощайте. – Она молча обула свои кеды.

Хлопнула дверь. Никита Кузьмич и Надежда Сергеевна остались стоять посреди прихожей, растерянно глядя друг на друга. Первая нарушила молчание жена.

– Вот ведь мошенников развелось. – Она приблизилась к мужу и ласково обняла его за плечи. – Пойдем, Никитушка. Тут дует из-за двери. Как бы снова радикулит не разыгрался.

Она увела Никиту в комнату. Он сумрачно молчал, погруженный в свои мысли. Через пятнадцать минут приехал верный Куролесов и привёз трёх забавных щенков. Надежда Сергеевна восторженно ахала, сновала из кухни в комнату и обратно, носила блюдечки с кормом и водой, то и дело дергая мужа за локоть:

– Никитка, смотри, какие милые! Хотя всех троих оставляй. Нет, ну до чего хороши!

Никита Сергеевич ожил, заулыбался. Неприятный эпизод из прошлого слегка поблек и перестал его нервировать. Сашка терпеливо ждал, пока супруги натешатся и выберут наконец щенка. Часа через два жарких споров, вздохов и охов, решили остановиться на старшем из трёх, мальчишке, чёрном, с белой грудкой. У него были умные и живые глаза-бусинки, он смешно и тоненько тявкал, когда его гладили по блестящей гладкой шёрстке.

– Имя придумали? – спросил у стариков Сашка.

Никита Кузьмич скептически взглянул на щенка. Ни Лорд, ни Байрон ему совершенно не подходили – вид у малыща был далек от аристократического.

– Мамашка у него из настоящих, породистая, – сказал Сашка и потрепал щенка по загривку, – а вот отец подкачал, так что паспорта у него нет. Мать звали Шейлой.

– А он пусть будет... пусть будет Шоколад! – вдруг выпалила Надежда Сергеевна.

– Шоколад? – Куролесов с удивлением поглядел на неё, затем на щенка. Тот доверчиво взвизгнул. – А что? Идея. Ему идёт.

– Верно. – Никита Кузьмич улыбнулся. – Он правда как шоколад. Темный шоколад с молочным пятнышком. Умница, Надюша, и как это тебе в голову пришло!

Надежда Сергеевна скромно потупила глаза, но вид у неё был чрезвычайно довольный. Куролесов засобирался домой и стал прощаться.

– Если что, звоните, я всегда на связи. Подскажу, как быть.

– Уж подскажи, дорогой, – поддакнула Надежда Сергеевна. – А то, не ровен час, вдруг захворает маленький или животик прихватит? Это ж как настоящий ребёнок.

– Не бойтесь, они живучие. И прививки у него уже есть нужные. Так что главное, правильно кормить и гулять с ним два раза в день. – С этими словами Куролесов забрал двух других щенков и скрылся за дверью.

Надежда Сергеевна с умилением глядела на приобретён-

ного питомца.

– Ты мой хороший! Шоколадка! Лапочка.

Щенок тихо и счастливо повизгивал и норовил тяпнуть ее за палец.

– Пойду, прогуляюсь с ним, – решил Никита Кузьмич. – Не то лужу нам тут напрудит. Надя, неси поводок.

На щенка надели ошейник с поводком, которые предусмотрительно принёс Куролесов, а также купленный заранее красивый красный комбинезон, чтобы он не замёрз. Никита Кузьмич взял щенка под мышку и вышел на лестничную площадку.

– Смотри, недолго, – крикнула ему вслед Надежда Сергеевна, – не то замёрзнет.

Никита кивнул и зашагал вниз по лестнице со своего второго этажа.

На дворе сгущались осенние сумерки. Слышался звон трамвая, смех детворы и лай – собачники один за другим выходили на прогулку. Никита Кузьмич огляделся по сторонам – нет ли рядом какого-нибудь злобного пса – и осторожно спустил Шоколада на землю. Тот сразу же ринулся в сторону и повис на поводке.

– Тихо ты, тихо, ну куда ж ты, дурачок, – ласково пожурил его Никита Кузьмич. – Ну что, куда пойдём? Давай на бульвар. – Он легонько потянул поводок, и щенок неожиданно послушно затрусил рядом.

– Какой хорошенький! – раздался из темноты мелодич-

ный голос.

Никита вздрогнул и остановился:

– Ты?

– Я. – Рыжая стояла перед ним, белозубо улыбаясь.

– Зачем ты тут? Тебе же сказали, все бесполезно. – Никита Кузьмич хотел пройти мимо, но что-то заставляло его остановиться. Щенок нетерпеливо взвизгнул.

– Мне некуда идти, – просто проговорила девушка. – И денег нет на hostel. Я... я думала, вы меня приютите. Хотя бы на пару ночей.

– С какой это стати? Почему мы должны пускать в дом постороннего человека?

– Но я же не посторонняя. Я ваша внучка! Вы ведь любили Марию. Сильно любили.

Никита Кузьмич вытер со лба внезапно выступивший пот.

– Любил...

– Ну вот. – Рыжеволосая снова улыбнулась, отчего на щеках у неё образовались симпатичные ямочки.

– Вот что. – Никита Кузьмич слегка подергал поводок. – Пошли, прогуляешься с нами. Расскажешь о себе.

– С удовольствием! – обрадовалась девушка.

Они перешли дорогу и не спеша двинулись по бульвару.

– Я забыл, как тебя зовут.

– Влада.

– Странное имя. Я думал, такое только мужчинам дают.

– Не только. Мне оно нравится.

– Ну хорошо. Положим, ты и правда моя внучка. Зачем тебе Москва? Что ты будешь здесь делать?

– Я буду петь.

– Что? – Никита замедлил шаг. – Петь?

– Да. Я хочу стать джазовой певицей. Поступить в колледж на Ордынке, окончить его и выступать со своей группой. Стану известной, заработаю много денег. Позабочусь о вас.

– Ой-ой, позаботится она. – Никита Кузьмич скривил ехидную мину. – Да с чего ты решила, что можешь петь? Ордынка – это серьёзное заведение, туда сложно поступить.

– А вы откуда знаете? – удивилась Влада.

– Знаю. Я в молодости сам джазом увлекался. На гитаре играл, даже хотел учиться профессионально, так что все про эту сферу знаю. К тому же обучение платное, стоит недёшево.

– Вот об этом я и хотела поговорить, – спокойно произнесла Влада. – Мне нужны деньги, много. И крыша над головой. Не бойтесь, я вас не объем. Я уже нашла место, где можно подработать. На Арбате в переходе группа уличная поёт, там солистка нужна. Обещали взять, так что заработок будет. Но не такой, как мне нужно.

Никита Кузьмич слушал и недоумевал. Неужели можно быть такой наглой и самоуверенной? Припереться в столицу из тьмутаракани, к фактически чужому человеку и рассчитывать, что он станет тратить на неё бабки?

– Ты это серьезно? – спросил он Владу.

– Серьезней некуда. Семестр уже начался. Дополнительный набор на внебюджет в конце сентября. Если пройду, сразу деньги понадобятся.

– А с чего ты решила, что у меня есть такие деньги?

– Ну дед, не забывай, сейчас время Интернета. Я, прежде чем ехать, немного пошукала в сетях, знаю, кто ты таков, как живешь.

Никиту Кузьмича кольнуло слово «дед» и обращение на «ТЫ».

– Никакой я тебе не дед! И не смей «тыкать». Ты мне чужая, слышишь, чужая! Я вообще зря с тобой разговариваю. Правильно Надя сказала, надо было полицию вызвать.

– Ну так вызывайте. – Влада остановилась и скрестила руки на груди. – Давайте, звоните! Сдайте меня ментам. Я – вот она, не убегу.

Никите стало стыдно. Перед глазами снова возникла Маша, их последняя ночь в ее крохотной квартирке. Они лежали, тесно обнявшись, на старенькой скрипучей тахте. Он физически ощущал, как бежит время – минута за минутой, час за часом. А впереди утро и поезд в Москву. Нужно было принять решение. Если он уедет, то уже никогда больше не вернется в М. Ездить туда-сюда, обманывать обеих, и жену, и Машу – нет, на такое он не способен. Стало быть, два варианта – либо уехать отсюда бесповоротно, либо так же бесповоротно остаться и круто изменить свою жизнь. Настоль-

ко круто, что круче не бывает.

Маша тихо прижималась к его боку, ее нежные пальчики гладили его лоб, ерошили волосы. Она ничего не говорила, ни о чем не спрашивала, но Никита знал, что она ждёт, и внутри у неё все сжимается от боли и страха. Однако он не мог решиться.

За окном стало белеть. Никита глубоко вздохнул и обнял Машу, с силой прижал к себе. В горле у него застыл спазм. Она все поняла. Замерла у него в объятиях, словно превратившись в безмолвную птичку, и от этого – от ее безропотности, покорности – ему было ещё горше. Лучше бы она кричала, плакала, расцарапала ему физиономию. Но нет, она целовала его все с той же нежностью, и даже в ее дымчатых глазах не было ни слезинки...

– Почему она не написала мне? – хрипло спросил Никита.

– Кто не написал? – не поняла Влада.

– Маша. Почему не сообщила, что ждёт ребёнка?

Она пожала плечами.

– Откуда мне знать? Может, не хотела, из гордости. А может, не знала, куда писать. Ты разве дал ей адрес?

Никита грустно покачал головой.

– Не дал.

– Вот видишь, а спрашиваешь. Да если бы она и написала, разве ты бы приехал? Что-то бы изменилось?

– Не знаю. Возможно. А впрочем... нет... не надо об этом. Тебе все равно не понять.

– Куда мне, – с легкой иронией проговорила Влада, подумала чуть-чуть и взяла Никиту за руку. От ее прикосновения ему вдруг стало тепло и спокойно. – Давай не будем ссориться. Если тебе неприятно, я могу не называть тебя дедом и говорить «вы».

– Да ладно, зови как хочешь, – вздохнув, сдался Никита Кузьмич. В это время Шоколад громко затыкал на проходящую мимо таксу, до предела натянув поводок. – Фу, Шоколад! Тихо! Фу! – Никита вернул щенка обратно к ноге.

– Шоколад? – засмеялась Влада. – Прикольное имя. И сам он прикольный.

Никита Кузьмич заметил, что она ёжится на ветру. Лёгкая куртка совсем не защищала от сентябрьского вечернего холода.

– Пошли домой, – предложил он. – Холодно. Да и поздно уже.

– А ваша жена? Она не выгонит меня?

– Не знаю. – Никита улыбнулся. – Надеюсь, что нет.

Влада тряхнула рыжими кудрями:

– Ну идём.

Надежда Сергеевна открыла дверь, и брови ее нахмурились:

– Опять? Никита, ты зачем?

– Надюша, я все потом тебе объясню. Дай нам войти.

Надежда Сергеевна приготовилась к атаке, но в это время щенок протиснулся мимо ее ног в прихожую, оставляя на чисто вымытой плитке грязные следы.

– Ах ты, негодник! – крикнула она и подхватила его на руки. – А ну, пойдём мыться! – С этими словами она унесла щенка в ванную, а Никита Кузьмич и Влада беспрепятственно зашли в квартиру.

– Раздевайся, – велел он девушке, – будем ужинать.

Он сам себе удивлялся. Радикулит как рукой сняло, ничего не болело, напротив, все тело переполняла кипучая энергия. «Это все щенок», – сказал себе Никита Кузьмич, однако в глубине души ему было ясно, что щенок тут совершенно ни при чем. Виновницей его хорошего настроения, без сомнения, стала рыжеволосая Влада, похожая одновременно на солнце и на любимый им с детства спелый сочный фрукт – апельсин.

Надежда Сергеевна вышла из ванной, спустила щенка на пол, и он тут же умчался в комнату.

– Надюш, что у нас сегодня на ужин? – преувеличенно

бодро спросил Никита Кузьмич.

Влада тем временем снова сняла кеды и смотрела на хозяйку дома с ожиданием.

– Господи, – вздохнула Надежда Сергеевна, – ну что ты будешь делать! Ох, Никитушка, поплатимся мы за твою доверчивость, помяни мое слово... Вареники с обеда остались, ну и я ещё голубцов наvertела ленивых. – Она махнула рукой и ушла в кухню. Оттуда донёсся яростный звон тарелок.

– Ну что ты стоишь? – Никита подмигнул Владе. – Беги, мой руки.

За столом царило напряженное молчание. Надежда Сергеевна, поджав губы, разложила голубцы по тарелкам, разлила подливку, поставила тарелочку с хлебом.

– Если кому сметаны, то я положу.

– Мне, если можно, – подала голос Влада.

– Отчего ж нельзя. – Надежда Сергеевна все с той же кислой миной пожала плечами, залезла в холодильник, достала банку с рыночной сметаной и плюхнула Владе целую ложку.

– Ой, объедение! – Та причмокнула языком. – Так вкусно! Вы отличная хозяйка.

– Спасибо, я знаю, – сдержанно отозвалась Надежда Сергеевна.

– Послушайте, – Влада вскинула на неё зелёные глаза, на дне которых притаились золотые искорки-смешинки, – вы, наверное, злитесь на мужа. Это понятно.

– Ничего я не злюсь, – пробормотала Надежда Сергеевна

и покраснела.

– Злитесь, злитесь. Ведь он вам изменил.

– Глупости все это. Я тебе не верю. Не было никакой Свиристелкиной, ты это все выдумала, чтобы попасть в наш дом.

– Но ведь дед признаёт, что это было!

– Не смей называть его дедом! – Надежда Сергеевна стукнула кулаком по столу, так, что голубец подпрыгнул в тарелке.

– Ладно, ладно. – Влада примирительно замахала руками. – Он мне сам разрешил, между прочим. Но раз вам это неприятно, то не буду.

Она принялась за еду. Надежда Сергеевна сидела красная как рак. Никита Кузьмич решил разрядить обстановку.

– Может, ты нам споёшь после ужина? – спросил он у Влады.

– Спеть? – Она поглядела на него с хитрым прищуром. – Легко.

– Ну вот и славно. – Никита покосился на щенка, опустошавшего миску. – Мы все с удовольствием послушаем. И Шоколад тоже.

– Что ещё за пение? – проворчала Надежда Сергеевна, однако больше ничего не сказала.

После чая Влада помогла ей перемыть посуду и убрать со стола. Никита ждал их в гостиной, Шоколад притулился у него на коленях и сладко посапывал. Никита думал о том, что станет говорить жене, когда они останутся наедине. А

надо ли что-то говорить? Столько лет прошло. Надя всегда была в курсе его романчиков, но мудро помалкивала, делая вид, что ничего не замечает. И сейчас подуется, посердится да и простит. Даже преступления, и те прощают за давностью лет...

– Что вам спеть? – Влада стояла на пороге, и ее щеки, и без того румяные, после сытного ужина пламенели, как маки. Надежда Сергеевна протиснулась из-за ее спины в комнату и села рядом с Никитой Кузьмичом.

– Давай что-нибудь из Кристины Агилеры, – потребовал тот.

– Ого! – Влада кинула на него одобрителный взгляд. – Вам нравится Агилера?

– Нравится.

– Ну окей. Я тоже ее обожаю, хоть это и не джаз. – Она достала телефон и включила минусовку.

Никита Кузьмич с интересом смотрел на неё, слушая знакомые звуки вступления. Это была его любимая песня. Страстная и драматичная, она никогда не оставляла его равнодушным. Влада, привычно уже, тряхнула рыжей гривой и запела. Никиту аж подбросило. Какой голос! Полный, сильный, удивительного, бархатистого тембра. Особенно чисто и красиво звучал нижний регистр. «Видимо девчонке передался музыкальный дар от бабушки», – подумал Никита Кузьмич. Маша была необычайно талантлива и слух имела превосходный. Он незаметно взглянул на Надежду Сергеевну.

Та была равнодушна к эстрадно-джазовой музыке, ей нравились только песни военных лет в исполнении Шульженко. Но сейчас было видно, что и ее проняло. Она не отрывала глаза от девушки, ее лицо прояснилось и разгладилось. Влада спела последний вокализ и умолкла.

– Браво! – Никита Кузьмич захлопал в ладоши. Надежда Сергеевна не удержалась и тоже захлопала, но тут же смутилась и потупила взгляд.

– У тебя отличный голос. – Никита Кузьмич встал с дивана и подошёл к Владе. – Ты, без сомнения, поступишь в училище. Дураки они будут, если тебя не возьмут.

– Но деньги, – тихо произнесла та, – деньги-то все равно придётся платить. Где их взять?

– Об этом не переживай. Я что-нибудь придумаю. – Никита похлопал ее по плечу. – Спой ещё.

– Вам правда нравится? – просияла Влада.

– Ещё как! И Надежде Сергеевне тоже. Верно, Надюша?

– Верно, – с улыбкой, хотя и сдержанной, подтвердила та.

– Хорошо, я вам спою бабушкину любимую. Вряд ли вы ее когда-нибудь слышали, это мало исполняют. Вот. – Влада ткнула пальцем в телефон.

Послышались нежные звуки флейты, ей вторила скрипка. Мелодия дошла до верха и оборвалась. Наступила напряженная пауза. Перед глазами Никиты явственно встал зал ресторана, рояль, хрупкая девушка в длинном платье... и тут же он услышал серебристый голос Влады. Он нежно и

ясно вплетался в инструментовку, цепляя самые потаенные струны души Никиты, лился, как бирюзовый и чистый ручей, смывая все горькое, тоскливое, само безжалостное время... Никита почувствовал, как к горлу подступают слёзы, и скрипнул зубами.

Музыка кончилась так же внезапно, как и началась. Никита, потрясённый, не мог вымолвить ни слова. Наконец он глубоко вздохнул.

– Великолепно! Кто автор этой композиции?

– Ты все равно его не знаешь. – Влада улыбнулась. – Я рада, что вам понравилось. – Она спрятала телефон и неожиданно широко зевнула. – Простите, спать хочется. Устала как собака за день.

– Так ложись и отдыхай, – засуетился Никита Кузьмич. – Надюша, ты постелишь?

– Постелю. Пусть ляжет у тебя в кабинете, я туда раскладушку поставлю. Ты ведь не против? – Она в первый раз за вечер посмотрела на Владу без злости.

– Я только за, – согласно кивнула та. – Можно в душ?

– Можно, – разрешила Надежда Сергеевна. – Полотенце возьмишь на полке в шкафчике.

Влада снова кивнула и скрылась в ванной, откуда сразу же донёсся шум воды. Никита вопросительно взглянул на Надежду Сергеевну.

– Ну? Что ты на меня смотришь? – усмехнулась та. – Старый ты развратник. И не стыдно тебе? Может, у тебя много

таких внучек?

– Нет, только одна. – Никита ласково обнял жену. – Но зато какая! Чудо девушка. А какой талант!

– Другая на моем месте выгнала бы вас обоих на улицу, – проворчала Надежда Сергеевна. – Стыд какой – на старости лет такое узнать!

Однако Никита видел, что она больше не сердится. Влада ей понравилась, как и ему самому. Ну что с того, что она немного поживет у них? Будет петь им по вечерам, а днём гулять по бульвару с Шоколадом. Опять же, поможет Наде по хозяйству.

– Ты у меня самая лучшая, – нежно сказал Никита Кузьмич и обнял жену. – Пошли спать.

Уже в спальне, переодевшись в халат и включив лампу для чтения, Никита услышал, как хлопнула дверь ванной. «Ну, русалка, – с добродушной насмешкой подумал он, – плещется в душе полчаса».

– Да, – раздался из коридора приглушённый голос Влады. – Да, у меня все в порядке. Все окей. Целую.

«С кем это она? – любопытствовал Никита. – Мать-то, по ее словам, умерла, бабушка тоже. Может, уже парень есть? Наверняка – у такой-то красотки». Он вдруг почувствовал укол ревности. Ему захотелось, чтобы у Влады не было никакого парня, и вообще никого из близких и друзей. Пусть он будет ей самым близким и нужным, никем не заменимым. С этими мыслями он залез под одеяло, раскрыл то-

мик Драйзера, но чтение не заладилось. Глаза слипались, в голове роился целый ворох воспоминаний, слегка ныло сердце. Никита погасил лампу, повернулся на бок к стенке, и вскоре его сморил крепкий сон.

Ему снилась Маша. Ее невероятные глаза, нежные улыбающиеся губы. Он целовал руки, щеки, волосы, всю ее целовал, с неистовой страстью, даже с исступлением. Была ночь, шел снег, голубые снежинки кружились под тусклым светом желтых фонарей, и не было вокруг ни единой души, ни звука, ни шороха. Никита выпустил Машины руки, слегка отстранил ее от себя. Она молчала, легонько покусывая губы.

– Наконец я нашёл тебя, – шепотом проговорил Никита. – Как я виноват! Виноват, что не решился, уехал, бросил тебя. Но и ты хороша – скрыла от меня, что будет ребёночек. Как ты могла?

– О чем ты? – Маша посмотрела на него с недоумением. – Какой ребёночек?

– Ну как же? Девочка, Аня. Моя дочь. – Он хотел обнять ее снова, но она выскользнула из его рук.

– Ты что-то путаешь, Ник. Я... я... – Ее лицо вдруг сморщилось, губы скривились, Из глаз выкатились две крупные слезинки.

– Не плач, милая! Не надо плакать, я ни в чем тебя не виню. Я люблю тебя. Любил всю жизнь и только теперь понял это.

Он хотел вытереть слёзы с ее лица, но пальцы скользнули в пустоту. Прекрасное видение таяло на глазах, рассеиваясь

по снежной ночи. Миг – и перед его глазами осталось лишь чёрное небо с золотым тонким серпом луны.

– Маша! – крикнул Никита и проснулся...

Со сна ему показалось, что он не дома, а в той убогой квартирке в М. Он вздрогнул, облизал пересохшие губы, повернулся и увидел Надежду Сергеевну. Та сидела на кровати и с тревогой глядела на него.

– Что, батюшка, сердце? Ты так стонал во сне. Я уж хотела «Скорую» вызвать.

– Сердце? – хрипло переспросил Никита Кузьмич и вытер со лба холодный пот. – Да нет. Все в порядке, не бойся. Сколько времени? – Он покосился на темное окно.

– Шестой час, – сказала Надежда Сергеевна, глянув в телефон, и зевнула. Никита Кузьмич кряхтя сел на кровати и свесил ноги на пол.

– Ты куда? Рано ещё. Поспи.

– Пить хочется. Пойду попою.

– Там компот в холодильнике.

– Я лучше просто воды.

Надежда Сергеевна кивнула и легла под одеяло. Никита Кузьмич, шаркая тапками, вышел в коридор и побрел в кухню. Проходя мимо кабинета, он невольно прислушался, но из-за двери не доносилось ни звука. «Спит, – подумал Никита о Владе. – Конечно, спит, в ее возрасте все долго спят». Он толкнул кухонную дверь и вздрогнул: в темноте за столом белел силуэт. Никита Кузьмич дрожащей рукой наша-

рил выключатель.

Вспыхнувшая люстра осветила Владу в коротенькой ночной рубашке, склонившуюся над телефоном. В ее ушах были наушники. Она растерянно смотрела на Никиту Кузьмича.

– Ты чего здесь? – Он подошёл к столу.

– Музыку слушаю. Думаю спеть эту композицию. Хочешь тоже послушать? – Она, не дожидаясь ответа, сняла наушники и воткнула их в уши Никиты. Его тут же оглушила дробь барабанов. – Ну как? – спросила Влада минуту спустя.

– Ничего, – неуверенно выдавил Никита Кузьмич. – А зачем ночью этим заниматься? Да ещё на кухне.

– Мне не спалось. Захотелось чаю. Я выпила и решила позаниматься немного. Я почти все время что-то слушаю. Не могу без этого. – Она обезоруживающе улыбнулась.

Только тогда Никита Кузьмич заметил на столе чашку с недопитым чаем. Он сел рядом с Владой, аккуратно сняв с себя наушники.

– Расскажи о бабушке, ну, о Марии. Как она жила?

– Хорошо жила. Уроки частные давала.

– Одна? Ну, в смысле, без мужа?

– Мужа не было. Но имелся мужчина. Хороший. Они много лет жили вместе.

Никита Кузьмич нахмурился и замолчал. Потом не выдержал и снова поинтересовался:

– Как хоть она выглядела? У тебя есть фотографии?

– Нету. Бабуля не любила фоткаться. Говорила, в молодом

сти красавица была, а сейчас старое чучело.

Никита Кузьмич невольно улыбнулся:

– Так и говорила?

– Ага.

– Это бабушка научила тебя петь?

– Она.

– Я сразу так и подумал. – Никита вздохнул и мечтательно поднял глаза к потолку.

– Дед, – тихонько окликнула его Влада.

– Что?

– Почему ты уехал тогда? Ты ж ее любил.

– Много ты понимаешь. – Никита Кузьмич решительно встал, налил воды в стакан и залпом выпил. – У меня в Москве семья была, жена, дети.

– Дети-то уже, поди, большие были к тому времени. – Влада посмотрела на него с ехидством.

Никита опустил голову.

– Ну да, не маленькие, но все равно, семья есть семья. Тебе этого сейчас не понять.

– А если не понять, так чего спрашиваешь про бабушку? Не все ли равно, как и с кем она жила? – резко проговорила Влада.

– В этом ты права, – согласился Никита. – Должно быть все равно. Но... получается, что нет. – Он потерянно развёл руками.

– Ладно, – миролюбиво произнесла Влада. – Не будем

опять ссориться. Где твоя жена?

– Ее зовут Надежда Сергеевна, пора бы запомнить.

– Хорошо. Где Надежда Сергеевна?

– Спит.

– Вовсе я не сплю, – раздался голос с порога.

Никита Кузьмич и Влада встrepенулись. Надежда Сергеевна в длинном байковом халате стояла в дверях и смотрела на них. Лицо ее было спокойным и незлым.

– Вот ведь полуночники. Не спится им. Может, вам яишеники? С колбаской и с помидорами? А?

Никита и Влада переглянулись и дружно закивали.

«Осень. День стремительно уменьшается, и вдруг, откуда ни возьмись, на город падают сумерки. После шести вечера в окно уже ничего не видно, лишь тусклые, жёлтые фонари горят звериными глазами, нагоняя тоску. Осенью у меня начинают болеть ноги. Черт его знает, отчего – то ли дают знать о себе старые раны, то ли просто организм хандрит, предчувствуя скорую зиму. Позади лето, маленькие скромные радости, впереди почти пять месяцев холода и темноты. И одиночества. Одиночество страшней всего – страшней холода, страшней изматывающей боли в опухших лодыжках.

Я стараюсь об этом не думать, просто сижу и считаю петли: две лицевые, одна изнаночная. Но мысли в голове живут своей жизнью. Они упорно стремятся вернуть меня в прошлое, куда я ни в коем случае не хочу возвращаться. И тогда я достаю из серванта старую потрепанную тетрадь в зелёной обложке. Когда-то давно, в незапамятные времена, я стала записывать в неё все, что со мной происходит, все свои мысли, чувства, переживания. И до сих пор пишу иногда. Надо давно выкинуть эту тетрадь, а лучше – сжечь. Но я упрямо храню ее на полке в серванте, чтобы изредка, когда станет совсем неважно, вот как сейчас, открыть потёртую обложку и перелистать пожелтевшие листки в клеточку, исписанные круглым, полудетским почерком.

«...Это был сентябрь. Точнее, конец сентября, и шёл дождь. Первый по-настоящему осенний дождь, долгий и какой-то безнадежный. И мне казалось, что он уже никогда не кончится. Я представляла себе, как выйду на улицу после работы, и дождевой поток смоет меня, растворит в серой пелене и унесёт с собой. Далеко-далеко, в свою дождевую страну, где никогда не бывает солнца. Мне было так грустно и хотелось, чтобы этот долгий день наконец ушёл в прошлое, стал обычным домашним вечером, а затем уютной ночью, когда можно будет поплакать в подушку и уснуть в сладких розовых мечтах.

И тут я заметила на себе этот взгляд. Невероятный взгляд, от которого я сразу перестала клевать носом, взбодрилась. И дождь за окнами вдруг перестал лить, точно по мановению волшебной палочки. Все изменилось вокруг, из бессмысленного, серого и тоскливого стало тёплым и радостным. И я уже знала, что будет дальше. Все знала, до самого конца.

Он подошёл и о чём-то заговорил, кажется, спросил, не замужем ли я. Я почти ничего не слышала, меня накрыло волной счастья. Все то время, что он стоял рядом со мной, я мучилась одной-единственной мыслью: почему это не случилось раньше? Отчего должно было пройти столько серых, дождливых и одиноких дней? Ведь он должен был прийти сюда и заговорить со мной. Это было назначено нам где-то там, высоко на небесах, и не подлежало сомнению».

...Зачем я читаю это? Зачем растравливаю себе душу?

Мое сердце давно окостенело, оно не чувствует боли, как израненные ноги, как переломанная спина. В этой жизни за все надо платить, и я заплатила высокую цену за всего-то неделю безграничного, почти безумного счастья. Короткий и страшный миг разделил мою жизнь на до и после. До – это юность, любовь, упоительные мечты, после – старая скрипучая инвалидная коляска и мертвенный холод одиночества. Между ними адский, леденящий душу скрежет, грохот, несущийся навстречу, и сокрушительный удар...

Ну и хватит об этом! Лучше сосредоточиться и считать петли. Это куда более полезное занятие, нежели думать о всяких глупостях...

Мой внутренний диалог с самой собой прерывает звонок в дверь. Я поспешно прячу дневник и еду в прихожую, открывать. Это пришла Галка. Почему-то вместо бананов она принесла мне сегодня маленькие, бледно-желтые груши из сада своей бабушки. Я не люблю груши. Их часто дают в больнице на полдник – именно такие, маленькие, жёлтые, с красноватым боком. А больниц в моей жизни было великое множество. Но Галке ведь этого не объяснишь.

– Я помою? – Она вопросительно смотрит на меня и трясёт прозрачным пакетом.

– Мой.

Она бежит на кухню. Оттуда доносится шум воды и веселый Галкин голос, фальшиво напевающий какую-то песенку. Потом она появляется в комнате с миской в руках, полной

груш.

– Ешьте. – Она ставит миску передо мной на старый, потрескавшийся деревянный стол. Я обреченно беру грушу, надкусываю чуть зарумянившийся бочок. – Почему вы так мало связали сегодня? – Галка кивает на темно-зелёный шарф, свешивающийся с моих коленей на пол, как длинная тощая крокодила. Вчера он был почти такой же длины, как и сегодня, а должен был стать длиннее раза в два. Я виновато пожимаю плечами.

– Не знаю. Я... я задумалась.

– О чем? – тут же интересуется Галка. Ее карие глаза с золотистыми искорками вокруг зрачка смотрят на меня пристально и внимательно. Я молчу, не зная, что ей ответить. Галка больше ни о чем не спрашивает. Она берет из миски груши – одну за другой, с хрустом надкусывает и жует. Галка никогда не лежала в больницах, поэтому она любит груши...

Зелёный шарф-крокодила лежит на полу, устало протянув хвост под ножку стола. За окном сумерки. В миске пустота, и в голове моей тоже. Галка давно ушла – у неё не сделаны уроки, надо убраться в своей комнате, а то папа будет ругаться, и поиграть с младшим братишкой, а то заругается мама. А мне надо во что бы то ни стало довязать шарф. Я еду на кухню, завариваю себе крепкий чай, пью. Потом возвращаюсь в комнату, подбираю с полу крокодилу, и... одна лицевая, две изнаночных...»

Иногда и не подозреваешь, как в одночасье может измениться твоя жизнь. Никита Кузьмич пребывал в эйфории. Скуки и тоски как не бывало. Теперь его день был распи-сан по минутам. По утрам их с Надеждой Сергеевной будил звонкий лай Шоколада, ему вторил не менее звонкий голо-сок Влады, выводящей свои рулады и вокализы. Так, распе-вая и пританцовывая, она ассистировала на кухне Надежде Сергеевне – помогала заваривать чай, расставлять посуду, а потом убирать со стола. Любая работа спорилась в ее ловких руках.

После завтрака Никита и Влада шли гулять с Шоколадом. Гуляли они долго, не менее двух часов, и говорили, говори-ли, обо всем на свете. Влада рассказывала о своём детстве, о том, как училась в музыкалке, как впервые услышала Эл-лу Фицджеральд и влюбилась в джаз. Как прорывалась на концерты знаменитых исполнителей, приезжавших в их го-родок, рискуя быть пойманной ментами и посаженной в ку-тузку. Как воровала яблоки из соседского сада в десять лет. Поток ее слов никогда не иссякал. Шоколад весело лаял и стремился в окрестные кусты, над головой шумел желтыми листьями клён. Никита Кузьмич чувствовал себя помолодев-шим и бодрым.

Влада пару раз сходила на консультацию в колледж, и там

ей сказали, что у неё есть все шансы поступить, но, разумеется, платно. Никита Кузьмич поколебался и затеял с Надеждой Сергеевной серьёзный разговор.

– Надюш, что, если мы снимем со вклада некоторую сумму? Я хочу заплатить за девчонку. Ведь явный талант, ты же сама видишь.

Надежда Сергеевна поглядела на мужа пристально и внимательно.

– Честно говоря, я не сомневалась, что ты заведёшь об этом речь. – Она вздохнула и развела руками. – Что ж, тебя можно понять. Не каждый день находятся такие внучки.

– Какие? – сделал вид, что не понял, Никита.

– Такие, – выразительно повторила Надежда Сергеевна. – Я ведь не слепая, все вижу. Владочка – девушка необычная. Ее сложно не любить. Я и сама... – Она запнулась и смахнула с глаз едва заметную слезинку.

– Ну что ты, Надюша. – Никита Кузьмич ласково сжал ее руку. – Не надо. Зачем ты?

– погоди, не перебивай. – Надежда Сергеевна справилась с собой. – Ты думаешь, я злюсь на тебя? Я должна ее ненавидеть – это было бы верно в такой ситуации, но я... я почему-то совсем не злюсь, а, наоборот, люблю ее так же, как и ты. Знаешь, за что? За то, что она сделала с тобой. – Надежда Сергеевна с нежностью посмотрела на мужа. – Ты ожил. Ты стал прежним Никитой, моим любимым, неистовым и энергичным Никитой, а не полуразвалившимся больным стари-

ком. Как я могу не быть ей за это благодарной? – Надежда Сергеевна чмокнула мужа в щеку и улыбнулась. – В конце концов, деньги твои. Ты хочешь заплатить за неё? Плати, я не против.

В ответ Никита Кузьмич обнял жену и покрыл ее лицо поцелуями. В тот же день он сходил в банк, снял нужную для оплаты обучения сумму и, положив ее в аккуратный конверт, вручил Владе.

– Что это? – Она с удивлением взяла конверт, заглянула вовнутрь и лицо ее вспыхнуло. – Это мне? За колледж? Да? – Не дожидаясь ответа, она повисла у Никиты Кузьмича на шее. – Дед! Спасибо тебе!! Ты человек! Вот это спасибо!

Никите было настолько приятно, что аж в животе потеплело. Надежда Сергеевна молча стояла чуть поодаль, наблюдая за этой трогательной сценой.

– Учись, внучка. Надеюсь, из тебя выйдет толк. – Никита по-отечески обнял Владу.

– Я должна позвонить! – Она осторожно освободилась от его объятий. – Скоро вернусь.

Она пронеслась по коридору и скрылась в кабинете. Вскоре оттуда послышалась ее сбивчивая и приглушенная речь. Слов было не разобрать, Никита Кузьмич услышал лишь одну-единственную фразу: «Я же говорила!»

– С кем это она? – спросила Надежда Сергеевна.

Никита пожал плечами.

– Откуда мне знать. Вот выйдет, спроси сама.

Влада уже стояла на пороге комнаты, лицо ее пламенело, глаза сверкали.

– Кому ты звонила? – поинтересовалась у неё Надежда Сергеевна.

– Подруге. Она очень рада за меня. Привет вам передаёт.

– Ишь ты, привет, – пробурчала было Надежда Сергеевна и тут же встрепенулась: – Ну что, пирог ставить? В честь такого события?

– Ставить, ставить. – Влада захлопала в ладоши и снова принялась тормошить и целовать Никиту Кузьмича.

Пирог удался на славу – любимый Никитин, с лимоном и сахарной пудрой. За чаем активно обсуждали Владиному предстоящую учебу.

– Я хочу пойти с тобой на экзамен, – заявил Никита Кузьмич.

– Тебя туда не пустят. Вход только по пропускам, и только для абитуриентов. Ты лучше вот что – приходи на Арбат. В следующую пятницу, к восьми. Там наша группа будет петь. У меня соло. Придешь?

– Приду!

– Замётано. – Влада хлопнула ладошкой о ладонь Никиты Кузьмича. – Ладно, я пойду, порепетирую, а то опозорюсь.

Она выпорхнула из-за стола и унеслась к себе.

– Я тоже хочу послушать, – капризно надула губы Надежда Сергеевна.

– Так в чем проблема? Поедем вместе, – успокоил ее Ни-

кита Кузьмич.

В назначенный день ровно в семь они заказали такси до Арбата. Свою машину там было не припарковать, а на метро супруги Авдеевы ездили очень редко. Перед выходом Надежда Сергеевна долго гляделась в зеркало, подкрасила губы, слегка завилась и побрызгалась любимыми духами.

– Брось, Надя. – Никита Кузьмич насмешливо смотрел на ее приготовления. – Ты же не в театр идёшь. Это обычный переход у метро.

– Переход не переход, а хочется не ударить в грязь лицом. Ты б вот ботинки почистил получше, все-таки внучку слушать идёшь.

При слове «внучка» Никита расплылся в улыбке и послушно принялся орудовать щеткой.

Всю дорогу в такси им казалось, что они опаздывают. Никита подгонял водителя, Надежда Сергеевна то и дело смотрела на телефоне время и сокрушенно качала головой. Наконец шофёр высадил их у того самого перехода. Было без десяти восемь.

– Цветочков бы купить, – спохватилась Надежда Сергеевна.

Никита Кузьмич пошарил глазами вокруг, но рядом не оказалось ни одного киоска.

– Простите, – окликнул он приятную женщину, шедшую

за руку с девочкой лет восьми. – Не подскажите, где поблизости можно купить букет цветов и, например... торт?

– Цветы – это у метро. А если перейти на ту сторону, там есть отличная кондитерская.

– Спасибо, – поблагодарил Никита Кузьмич.

Времени до восьми оставалось в обрез, но слушать Владу без цветов казалось ему верхом невежливости. Ничего не оставалось, как последовать совету прохожей. Они с Надеждой Сергеевной купили цветы, затем зашли в кондитерскую, и Никита Кузьмич выбрал роскошный торт под названием «Швейцарский». Пока обошли зал, пока выбрали и отстояли очередь на кассе, прошло минут двадцать.

– Скорее, – занервничал Никита Кузьмич. – А то без нас начнут.

– Не спеши, батюшка, тебе нельзя, – разволновалась Надежда Сергеевна. – Экая я старая дура, нужно было цветов у нас рядом с домом купить, там и дешевле в полтора раза, и выбор хороший.

– Чего теперь говорить, – одернул ее Никита Кузьмич и быстро, как мог, зашагал обратно к переходу. Надежда Сергеевна семенила рядом, на ходу поправляя свои локоны.

Послышался звук саксофона.

– Начали! – Никита Кузьмич рванулся вперёд.

По мере приближения к переходу музыка становилась все громче. К саксофону прибавилась бас-гитара и ударные. В переходе толпился народ, было шумно илюдно. Публика со-

стояла в основном из молодёжи, но были там и люди зрелого возраста. Никита Кузьмич сразу увидел Владу. Она стояла перед музыкантами, держа в руке микрофон, на ней было все то же длинное платье, рыжие волосы зачёсаны в высокий хвост на макушке. Он улыбнулся и помахал ей рукой, но она не заметила его. Ее глаза смотрели куда-то вдаль, словно за толпой слушателей была не стена перехода, а какая-то интересная и загадочная перспектива.

Длинное инструментальное вступление закончилось, Влада поднесла микрофон к губам, вскинула голову. Ее голос разнесся далеко за пределы перехода. Гул толпы стих. Никита краем глаза заметил восхищенные взгляды стоящих рядом с ними людей, и его охватила невероятная гордость. Вот это зажигает его Владка! А то ли ещё будет, когда ее подучат! В своих мечтах Никита Кузьмич уже видел Владу на самых престижных сценах, да что там – на экране телевизора в знаменитом шоу «Голос». С таким талантом и внешностью она далеко пойдёт.

Влада закончила петь, и раздались бурные аплодисменты. Саксофон заиграл снова, на этот раз мелодия была томной и печальной. Откуда-то сбоку вынырнул маленький паренёк-скрипач в строгой пиджачной паре. Он играл, зажмурившись, нежно обнимая скрипку, точно жених любимую невесту, и она отзывалась на его объятия тонко и пронзительно. Так же пронзительно и нежно вторила ей Влада.

– Здорово поёт, – раздался позади Никиты мужской го-

лос. Он обернулся и увидел высокого парня с полувыбритой головой и серьгой в носу.

– Вам тоже нравится? – спросил его Никита.

– Ещё как. Раньше я эту девчонку тут не видел. Она совсем недавно появилась. Рыжая бестия, просто огонь.

Никита слушал и балдел. Влада все пела и пела. Композиции были разные, динамичные и яркие песни сменялись меланхолическими и спокойными, и снова ее голос летел вверх, смело взмывая на самые вершины, чтобы затем спуститься вниз замысловатыми пируэтами.

Так прошёл час, за ним другой. Никита Кузьмич, давно так долго не стоявший на ногах, почувствовал, что начал уставать. Люди вокруг менялись, одни уходили, другие приходили, а они с Надеждой Сергеевной все стояли, застыв и прижавшись друг к дружке.

Наконец саксофонист перестал играть и положил инструмент в футляр. Оставшийся народ стал расходиться. Влада о чем-то разговаривала с гитаристом, вид у неё был усталый. Никита Кузьмич и Надежда Сергеевна терпеливо ждали. Через пару минут Влада помахала рукой ребятам и направилась к ним.

– Приветик! О, цветочки! Это мне? Какие красивые! – Она взяла из рук Никиты букет.

– Ещё вот. – Он показал ей коробку с тортом.

– Спасибо! Он дорогуший, наверное.

– Ерунда. – Никита Кузьмич порывисто обнял девушку. –

Ты была сегодня неотразима!

– Спасибо, – снова поблагодарила Влада и пошарила глазами по сторонам, словно ища кого-то. Рядом, однако, никого уже не было, кроме маленького скрипача. Тот преувеличенно долго возился со своим футляром, с любопытством поглядывая на Никиту Кузьмича и Надежду Сергеевну. Наконец он захлопнул крышку, застегнул молнию и, смешно подпрыгивая, заковылял к лестнице.

– Поедем домой, – предложил Никита Владе. – Мы устали, да и ты еле на ногах стоишь. Нужно отдохнуть.

– Вы езжайте, – рассеянно проговорила Влада и снова оглядела переход. – Я потом приеду, попозже. У меня... дела.

– Какие дела? – удивился Никита Кузьмич. – Ты на часы смотрела? Почти одиннадцать!

Влада взглянула на экран телефона и нахмурилась.

– Вот видишь, – произнёс Никита Кузьмич, – давно пора домой.

Она, не слушая его, быстро набирала эсэмэску. Отправила – и тут же дзинькнул ответ. Лицо Влады ещё больше померчнело.

– Езжайте без меня, – тоном, не терпящим возражений, проговорила она. – Я скоро.

– Но как же... так поздно. И ужинать пора... – всполошилась Надежда Сергеевна.

– Не волнуйтесь, я не голодная. Ужинайте себе. Цветы то-

же с собой заберите, вы ведь на такси?

Никита утвердительно кивнул. Почему-то его хорошее настроение пропало, стало тревожно и неудобно. Однако делать было нечего.

– Ты давай не задерживайся, – скрепя сердце велел он Владе.

– Хорошо, хорошо. – Она, уже не слушая его, повернулась и побежала из перехода наверх, в другую сторону от метро.

– Куда это она? – расстроено проговорила Надежда Сергеевна. – Ночь на дворе.

– Не наше дело. – Никита взял жену под руку. – Идём.

– Как это – не наше дело? – ворчала Надежда Сергеевна, тем не менее послушно следуя за мужем. – Ты ее кормишь, деньги на обучение тратишь – и не наше дело?

– Ты хочешь, чтобы я учинил ей допрос с пристрастием? – рассердился Никита Кузьмич.

Ему самому было не по себе. Влада действительно повела себя некорректно, даже цветы – и то не взяла. Могла бы уважить стариков – как-никак те специально приехали ее послушать, потратили время, деньги, стояли весь вечер на ногах. Стараясь скрыть от супруги недовольство, Никита молча повёл ее из перехода к стоянке такси. Они уселись в машину и молчали всю дорогу до дому.

Там их встретил радостным лаем Шоколад. При виде щенка Никита Кузьмич слегка оттаял. Надежда Сергеевна поставила цветы в вазу и пошла на кухню готовить ужин.

– Пусть себе хлопочет, – сказал Никита псу. – А мы с тобой пройдемся на сон грядущий.

Шоколад радостно завертелся на месте, как волчок. Никита Кузьмич снарядил щенка на прогулку и вышел с ним во двор. Стояла довольно тёплая погода, дул лёгкий ветерок. Никита Кузьмич повёл Шоколада их обычным маршрутом – через двор на бульвар. Так, как они всегда гуляли с Владой.

Надо же – почти месяц прошёл, как она живет у них. Целый месяц. Всего лишь месяц. А Никите кажется, что она жила здесь всегда. Как они могли обходиться без нее, без мелькающей повсюду огненной гривы, звонкого смеха, чарующего голоса...

Никите Кузьмичу вдруг страстно захотелось услышать Владу, сию минуту, прямо сейчас. Он достал телефон и набрал ее номер, но она не взяла трубку. Вот ведь негодяйка – время половина двенадцатого. До этого Влада никогда так поздно не задерживалась, всегда была дома к восьми-деяти. Шоколад требовательно тявкнул, выведя Никиту из раздумий. Он двинулся вперед по бульвару, продолжая терзаться сомнениями. Неужели у Влады роман со скрипачом? Он ей совершенно не пара – маленький, шуплый, очкастый – на фоне ее румяных щёк как бледная поганка. Никита Кузьмич вдруг понял, что снова испытывает банальную ревность! Глупости какие, просто смешно. У Влады будет куча ухажеров, ведь она красавица. И что же – ко всем ревновать? В конце концов, она ведь и замуж выйти может. Остаётся толь-

ко порадоваться за свою девочку и не травить себя понапрасну...

Кто-то сзади обхватил его за плечи. Послышался знакомый залиvistый смех.

– Вот я вас и нашла!

Никита Кузьмич обернулся и увидел Владу. В темноте ее зелёные глаза светились, как у кошки.

– Гуляете? А ужин уже готов.

– Ты заходила домой? – спросил Никита Кузьмич, чувствуя, как сердце переполняет тихая радость.

Влада кивнула. Несмотря на то что она улыбалась, Никита заметил, что вид у неё по-прежнему усталый и даже печальный.

– Ты чем-то расстроена? У тебя какие-то неприятности? Проблемы?

– Нет, что ты. Какие у меня могут быть неприятности? Все супер. Идём ужинать, а то я голодная как волк.

– Конечно, пошли.

Они вернулись в дом и сели за стол.

– Может, выпьем немного? За успешный концерт? – предложил Никита Кузьмич, когда пришёл черёд торта.

Надежда Сергеевна укоризненно покачала головой:

– И так ужинаем в ночи, так ещё и спиртное. Пожалей своё сердце.

– А я бы с удовольствием выпила шампанского, например, – проговорила Влада.

Никита Кузьмич молча встал из-за стола, сходил в гостиную и принёс из бара бутылку «Абрау Дюрсо».

– Вот. – Он поставил шампанское перед Владой. – Правда тёплое. Невкусно будет, нужно остудить.

– Плевать, сойдёт и тёплое.

Она ловко вытащила пробку и разлила шампанское в фужеры, которые достала Надежда Сергеевна. На стол тут же побежала пена. Влада взвизгнула и засмеялась.

– За концерт! – провозгласил Никита Кузьмич.

– И за моих неугомонных и верных слушателей, – добавила Влада.

Раздался мелодичный звон. Они съели по куску торта – он был изумительный.

– А теперь за... – начал Никита Кузьмич, но Надежда Сергеевна решительно выхватила у него из рук бутылку.

– А теперь – спать!

– И это самый лучший тост. – Влада улыбнулась и широко зевнула.

Через неделю Влада объявила, что успешно спела на экзамене и ее зачислили на первый курс. Занятия шли очень интенсивно, она стала уходить из дома рано утром, а возвращаться затемно. Три раза в неделю совсем поздно – в эти дни она пела в переходе. Никита Кузьмич отчаянно скучал, ждал вечера, как праздника. Часов в десять, в начале одиннадцатого, раздавался звонок, и Шоколад стремглав летел в прихожую. Он кидался на Владу, облизывая ей лицо и руки. Они втроём традиционно прогуливались по бульвару, затем неспешно и душевно ужинали и ложились спать...

Так незаметно промелькнули два осенних месяца. Наступил декабрь. Резко похолодало, задули ледяные ветры, выпал сухой колючий снег. Никита Кузьмич дал Владе денег и настоял, чтобы она купила себе тёплую одежду и обувь. Они вдвоём съездили в «Снежную Королеву» и выбрали там отличную дублёнку светло-шоколадного цвета, длинную, до щиколоток, с красивым капюшоном, отороченным светлым мехом. В ней и в ботинках на толстой подошве Влада была похожа на Герду, отправившуюся из королевского дворца на поиски Кая.

Приближался Новый год, а с ним и первый серьёзный зачёт по вокалу. Влада совсем запропала, приходила домой почти ночью, усталая, осунувшаяся. Даже румянец ее слегка

поблек. Вид у неё был сосредоточенный и напряженный. Она рассеянно здоровалась со стариками, вяло ела поданный Надеждой Сергеевной ужин и сразу уходила к себе. Никита заметил, что она стала ещё чаще зависать в телефоне – то переписывается, то просто подолгу говорит с кем-то, запершись в комнате. Тон при этом у неё был не слишком приветливый. Никите стало любопытно и тревожно. Он потихоньку подкрадывался к двери кабинета и старался услышать разговор Влады. Периодически она повышала голос, и до Никиты Кузьмича долетали фразы типа: «Прекрати!», «Сколько можно?!», «Надоело!».

Он окончательно уверился в том, что у Влады роман, причём неудачный. Они со своим скрипачом часто ссорятся и, вероятно, скоро расстанутся. Никите только этого и нужно было. Он мечтал, как они встретят Новый год втроём, а первого января уедут на дачу. Там раздолье, можно топить камин, ходить на лыжах, и Шоколаду будет где побегать и порезвиться.

За неделю до праздников позвонили с завода: сказали, что хотят поздравить и приготовили подарок. Подобное приглашение было обычным делом – Никиту Кузьмича звали на праздничный банкет каждый Новый год. Он не особо любил эти застолья, однако отказываться было неприлично и невежливо.

– Надо съездить, – сказал он Надежде Сергеевне.

– Конечно, съезди, Никитушка, – согласилась та с готов-

ностью. – Спиртное тебе подарят к празднику, а может, и деликатесы какие, как в прошлый раз. К новогоднему столу будет кстати. Поезжай, а я пока уборкой займусь. Не знаешь, Владочка сегодня поздно придёт? А то помогла бы мне.

– Не знаю, позвоню ей сейчас. – Никита с готовностью набрал номер Влады.

Та отозвалась, но не сразу.

– Да. – Голос ее звучал приглушенно, очевидно, она прикрывала трубку рукой. – Что-то случилось? Я на паре.

– Ничего не случилось. Надежда Сергеевна интересуется, когда тебя сегодня ждать. Я отлучусь по делам, а ей требуется помощь в уборке.

– Сегодня у меня вряд ли получится, – вздохнула Влада. – Я поздно буду. У меня зачёт в четыре, потом ещё репетиция к новогоднему концерту. Завтра помогу – я дома целый день.

– Ну хорошо. Удачи! – Никита Кузьмич повесил трубку и крикнул в кухню:

– Влада сказала, что будет поздно. А завтра обещала помочь.

– Ну завтра так завтра. – Надежда Сергеевна выглянула в коридор. Лицо ее покраснелось от жара плиты. – Ты на машине поедешь или такси вызовешь?

– Такси, – предусмотрительно ответил Никита, предвкусывая обильное застолье и отличную выпивку.

– Ну, осторожненько.

Никита кивнул и скрылся за дверью. Дорога до завода за-

няла у него не более получаса. Его уже ждали: Куролесов, главная бухгалтерша Зинаида Леонтьевна и кадровик Леонид Степанович.

– Здравсте, здравсте, – приветствовал Никиту Леонид Степанович. – Какие люди к нам пожаловали! Идёмте за стол.

Куролесов подхватил Никиту под руку и отвёл в лифт. Они поднялись на второй этаж и зашли в просторную комнату для переговоров, где обычно проходили банкеты. Скорее, это даже был зал. Вокруг царила праздничная атмосфера, играла негромкая музыка, в углу переливалась огоньками елка, на стенах висели разноцветные гирлянды. За длинным столом, покрытым накрахмаленной скатертью, уже сидел народ: нынешний гендиректор, Хромов, его зам, Батюшкин, и несколько начальников цехов. По залу бесшумно сновала секретарша Лидочка, миловидная, пышная блондинка лет тридцати с хвостиком. Все знали, что она любовница Хромова. Ей помогала буфетчица Арина Максимовна, работавшая в заводской столовой ещё с тех времён, когда директором был Никита Кузьмич. При виде Никиты Хромов расплылся в улыбке. Его широкое гладкое лицо напоминало масляный блин.

– Никита Кузьмич, дорогой, проходите, пожалуйста! Лидочка, усади гостя.

Лидочка метнулась навстречу Никите, аккуратно взяла его под руку, подвела к столу и отодвинула мягкое кресло.

– Садитесь, Никита Кузьмич.

Никите, с одной стороны, было лестно, что на заводе о нем там пекутся, с другой – давала о себе знать давняя боль. Он здесь никто, просто немогущий старик, за которым надо ухаживать, а раньше был здесь хозяином, одно его слово – и все бежали выполнять приказания, слушались беспрекословно... Он уселся в кресло, и Лида тут же положила ему на колени белую полотняную салфетку.

– Что пить будем? – Хромов нетерпеливо потёр ладони. – Как всегда, коньячку?

– Как всегда, – пробурчал Никита Кузьмич.

– Сань, наливай, – велел директор Куролесову.

Тот аккуратно плеснул в стопку дорогущего армянского коньяка. Лида положила в тарелку Никите оливье, тарталетку с икрой и кусок осетрины горячего копчения.

– Пирожки берите, – проворковала Арина Максимовна, выныривая откуда-то сбоку с огромным блюдом в руках. – Эти, круглые, с мясом, продолговатые с капустой.

Пирог у Арины были знатные, Никита это знал. Он взял пару пирожков и надкусил тот, что с мясом.

– Красота! – пропел Хромов и поднял рюмку с водкой. – Ну, Никита Кузьмич, за вас!

– Зачем за меня, – нахмурился Никита. – Вон праздник на носу. Давайте лучше за него.

– За него успеем. Мы ж никуда не торопимся, а закуски вон сколько. – Хромов оглядел стол хозяйским взглядом. – За Никиту Кузьмича, отца родного и учителя!

Все захлопали в ладоши. Хромов с шумом втянул носом воздух и опрокинул рюмку, тут же схватил с тарелки тарта-летку и целиком отправил ее в рот. Никита поморщился и выпил коньяк. Сразу же внутри разлилось приятное тепло. Ему захотелось выпить ещё. Хорошо, что они не позвали На-дю – та не дала б ему ни стопки принять. Никита подцепил на вилку осетрину.

– Еще? – Куролесов уже услужливо наклонил бутылку.

– Давай.

После третьей рюмки настроение у Никиты Кузьмича ста-ло вполне сносным. Его уже не раздражала ни круглая, лос-нящаяся физиономия Хромова, ни широкий и вертлявый зад Лидочки, ни гнусавый бас Батюшкова. Ему захотелось пообщаться, и он жестом подозвал к себе Куролесова. Тот уселся рядом.

– А щенок твой ничего, сукин сын, – с усмешкой произнёс ему на ухо Никита. – Умный, собака, все понимает. Озорует только иногда.

– Ну что ж ему не озоровать, если он ребёнок ещё, – фило-софски заметил Сашка. – Вырастет, серьёзности прибавит-ся. Ты, главное, Кузьмич, гулять с ним ходи, ну и воспиты-вай. Команды всякие и так далее.

– Гуляем. – Никита кивнул и потянулся к рюмке.

– Не хватит ли? – забеспокоился Куролесов. – Надежда Сергеевна меня убьет.

– Не учи ученого, – вмешался в разговор Хромов. – Давай,

Никита Кузьмич, выпьем за твоё здоровье. Наливай! – велел он Куролесову.

Тот скорчил физиономию, но послушно взялся за бутылку.

Незаметно в комнате сделалось душно, лица у сидящих разгорелись, все сидели красные, как помидоры, с благодетельными улыбками. Лидочка затянула грустную песню. Голос у неё был красивый, густой и бархатистый. Никита невольно вспомнил о Владе. Вот бы рассказать о ней, если не всем, то хотя бы Куролесову! Похвастаться, какая у него внученька объявилась... Он уже открыл рот, чтобы начать, но в это время Арина принесла горячее – цыплёнка табака с картофельным пюре и маринованными огурчиками.

Разгоряченный выпивкой народ с жадностью набросился на еду. Никита понял, что никто его слушать не будет, так только – сделают вид из вежливости. Самому ему есть уже не хотелось, да и пить тоже – он явно превысил свою дозу, в голове неприятно шумело, во рту была сухость. «Домой бы сейчас, к Надюше, – подумалось Никите, – там, глядишь, и Владка придёт. Погуляем с Шоколадом, поужинаем втроем». Он невольно зевнул.

– Скучаешь, Никита Кузьмич? – спросил Хромов, от цепкого взгляда которого ничего не укрылось.

– Да не скучаю, а пора мне. Жена дома ждёт.

– Ну погоди чуть-чуть, у нас ещё торт, Аринин фирменный, с желе и миндалем. Пальчики оближешь.

– Правда, Кузьмич, – сладко запел Никите в ухо Куролов, – чего ты! Посиди ещё. Тут тебе такие презенты от начальства. Посиди.

– Ну, посижу. – Никита сердито вонзил вилку в цыплёнка.

– Так-то лучше, – удовлетворенно произнёс Хромов.

В воздухе гудел нестройный хор голосов, каждый говорил о своём и слушал только себя, но это никого не раздражало. Пьяная Лидочка взгромоздилась Хромову на колени и ласково промокала платочком его потную лысину. Бухгалтерша под столом толкала ногой ногу замдиректора. Никита отлично видел это, вяло поглощая цыплёнка, который, надо сказать, был весьма недурён. Кто-то настежь распахнул окно, и в помещение ворвался свежий морозный воздух.

– Десерт! – зычно объявила буфетчица.

Внесли на подносе огромный торт, весь залитый розово-зелёным желе и утыканный орехами, как стразами, за столом дружно заплодировали.

– Стоп. – Хромов поднял кверху обе руки. – Это ещё не кульминация, так сказать. Попрошу подарки в студию!

Две молоденькие девушки, помощницы Арины, внесли в зал пару огромных пакетов.

– Вот. – Хромов встал и повернулся к Никите Кузьмичу. – Дорогой наш бывший директор, это вам!

– Так много? – удивился Никита Кузьмич. – Ну спасибо.

– Так же, как и всегда, – самодовольно осклабился Хромов. – Мы наших предшественников помним, мы не ка-

кие-нибудь...

Никита не к месту вспомнил вдруг, как двадцать лет назад Хромов был тощим, сутулым и несчастным мужичонкой, от которого недавно ушла жена. Многого же он добился за эти годы! Ни дать ни взять барин в собственной вотчине. А ведь перед правлением стоял выбор между ним и Батюшковым. Предпочтение отдали Хромову, потому что опыта у него было побольше. И не ошиблись, как видно – завод при нем процветает. Открыли собственные фирменные магазины, заключили контракты с частными краснодарскими винодельнями. Время этому благоприятствует. Эх, если бы не проклятый инфаркт, – никому бы не отдал Никита своё детище! Сам бы такое тут развернул... ну да что там...

– Спасибо, – проговорил он с тоской и взял из рук девушек пакеты. – Спасибо, что не забываете, что дружные такие, хлебосольные – за это тоже спасибо. Начальник у вас дельный, грамотный.

Хромов довольно закивал.

– Спасибо всем, – ещё раз повторил Никита и встал.

– Посиди ещё, – попросил его директор.

– Нет, поеду. Домой пора, к семье.

– Супруге большой привет и поздравления. Надеюсь, будет довольна подарком.

– Передам. – Никита Кузьмич неловко вылез из-за стола и двинулся к двери.

Вокруг него суетились Куролесов и Лидочка.

– Я такси вызову. – Куролесов полез в телефон.

– Зачем такси? Шофёр наш отвезёт, Володя. Я ему сейчас позвоню, и он подъедет. – Лидочка вытащила трубку. – Вов? Ты на месте? Ну молодец. Давай к подъезду, человека надо домой доставить. Да, важного, директора бывшего. Ага, давай. Мы спускаемся.

Пока ехал лифт, машина уже прибыла. Куролесов усадил Никиту на заднее сиденье, рядом пристроил пакеты.

– Домчит с ветерком. – Он улыбнулся и подмигнул Лидочке. – А я к вам скоро в гости наведаюсь. Посмотрю, как там ваш питомец.

Дорогой Никита вздремнул. Очнулся он от мягкого толчка.

– Просыпайтесь, – сказал шофёр. Никита выглянул в окно и увидел свой подъезд. – С наступающим, здоровья вам. – Мужчина вышел и распахнул перед Никитой дверцу. – Пакеты помочь донести?

– Не надо, я сам. – Никита Кузьмич подхватил подарки и едва не упал – такие тяжелые они оказались. Немудрено, в каждом по несколько бутылок, да ещё и куча продуктов.

– Я все же помогу, – сказал Володя и, взяв из рук Никиты Кузьмича пакеты, зашагал к подъезду.

Никита семенил следом, чувствуя себя усталым и разбитым. Последние несколько рюмок явно были лишними. Слегка покалывало в левом боку, в затылке чувствовалась тяжесть. «Немного полежу, – решил Никита Кузьмич, – а ес-

ли станет легче, пройдуся с Шоколадом. Заодно дойдём до ёлочного базара, купим маленькую елочку». Елочку он запланировал давно – хотел сделать Владе сюрприз. Она рассказывала, что ни разу в жизни у неё в доме не было живой ёлки.

В квартире кипела работа. Надежда Сергеевна встретила Никиту Кузьмича на пороге с тряпкой в руках.

– Пришёл? Вот хорошо, pomoжешь мне стремянку из кладовки достать.

– Зачем тебе стремянка? – удивился Никита Кузьмич, с облегчением пристраивая пакеты на тумбочку в прихожей.

– Люстры хочу протереть и пыль со шкафа убрать.

– Ты бы подождала с люстрами, – усомнился Никита. – Лучше пусть Влада завтра протрет, ей-то полегче будет, чем тебе, по лестницам лазить.

– Для неё ещё полно дел. Давай, доставай.

Никита разделся, зашёл в кладовку и вытащил оттуда стремянку.

– Спасибо, – поблагодарила Надежда Сергеевна и ласково добавила, поглядев на бледное лицо мужа: – Устал? Что подарили-то? Хоть дельное?

– Сама глянь. – Никита Кузьмич прилёг на диване в гостиной.

Он слушал, как жена в прихожей роется в пакетах.

– Красота какая, Никитушка! – раздался ее радостный голос. – Тут чего только нет – и шампанское, и осетрина, и ик-

ра! У нас будет отличный праздник. А ещё я в Интернете рецепт нового пирога нашла, чизкейк называется.

Никита слушал жену и улыбался: не одному ему охота сделать Владе сюрприз. Вон Надя-то как старается, хочет саму себя превзойти. Надежда Сергеевна с восторженными восклицаниями понесла продукты в кухню. Никита Кузьмич с блаженством вытянулся на диване, пристроив затёкшую шею на мягких подушках. Ему захотелось вздремнуть, но он сделал над собой усилие. Нет, спать сейчас нельзя, нужно идти за елкой. Шоколад уютно пристроился сбоку и время от времени облизывал его щеку и нос. Вскоре вернулась Надежда Сергеевна и, охая и крича, полезла на стремянку. Никита посмотрел на неё, покачал головой и встал.

– Ты куда? – удивилась она. – Лежи, тебе нужно отдохнуть. Вот, зелёный весь, и под глазами синяки.

– Нет, я пойду, за елкой схожу. Я быстро, ёлочку возьму маленькую, не тяжелую. Если что – заплачу, мне помогут донести. Ты смотри, осторожней тут.

– Хорошо. – Надежда Сергеевна продолжила энергично орудовать тряпкой. – Только ты давай недолго.

– Не волнуйся, я туда и обратно.

Никита снова оделся и вышел на улицу. Темнело. Зажглись фонари. Он вдохнул полной грудью морозный воздух и зашагал к супермаркету, возле которого торговали елками. Там он выбрал миниатюрную пушистую красавицу, долго вертел ее, оглядывая со всех сторон и наконец попросил

связать. Елочка оказалась совсем легкой, помощи просить не пришлось. Никита Кузьмич без труда донёс ее до дома, загрузил в лифт и поднялся на свой этаж. Руки его были заняты и он, не доставая ключей, позвонил в дверь. Тоненько залаял Шоколад, однако Надежда Сергеевна не открывала.

– Совсем зашилась там со своей уборкой, – недовольно проворчал Никита Кузьмич и, прислонив ёлку к стене, принялся шарить в карманах. Он нашёл ключи, вставил в скважину, повернул. Щенок вертелся у порога, больше в прихожей никого не было. – Ау, Надюш, – позвал Никита Кузьмич, – иди сюда! Посмотри, что я принёс.

Ему никто не ответил.

– Надя, – забеспокоился Никита, – ты там не перетрудилась? Тебе плохо? А, Надюш?

Он торопливо снял обувь и прошёл в гостиную. Надежда Сергеевна лежала посреди комнаты на ковре, неловко подвернув под себя правую ногу. Вокруг ее головы расплывалась темное пятно. Рядом возвышалась стремянка.

– Надя!!! – Никита бросился к супруге, рухнул рядом на колени. – Наденька, что с тобой? Ты упала? Разбилась? Милая, я же говорил! Сейчас, сейчас... – Он повернул ее лицо к себе.

Глаза ее был закрыты, изо рта вытекала струйка крови. Никите стало страшно. Он приложил ухо к груди Надежды Сергеевны и услышал биение сердца – настолько слабое, что казалось, оно вот-вот прервётся и затихнет.

– Слава богу! – Никита Кузьмич осторожно подsunул руку под голову жены. – Слава богу, ты жива! Ты слышишь меня, Надюша? Пожалуйста, открой глаза!

Веки Надежды Сергеевны дрогнули, губы шевельнулись.

– Н-Никита, – прошептала она почти беззвучно. – Никит...

– Милая моя, все будет хорошо. – Он стиснул ее руку. Она была холодной, как лёд. – Я сейчас вызову врачей. Они помогут тебе. Как же ты так умудрилась? Какая неосторожная.

– В-Влада... Она... я не... – Пальцы Надежды Сергеевны выскользнули из Никитиной ладони, голова безвольно склонилась набок.

– Э, ты что? Надя!! Не смей! Смотри на меня, Наденька, пожалуйста! Смотри! – Никита почувствовал, будто стальная рука больно сжимает грудь. Он схватил Надежду Сергеевну за плечи и стал трясти. Та болталась в его руках, словно тряпичная кукла, лицо ее побелело, губы сделались лиловыми. – Господи, Надя, что это?? Что ты наделала? Как быть теперь?

Что-то мокрое и холодное коснулось его руки. Никита вздрогнул и увидел Шоколада. В его чёрных, блестящих глазах была тревога. Никита тяжело поднялся с пола и заходил по комнате, хрипло и шумно дыша. Нужно что-то делать, звонить в «Скорую». Да, конечно, в «Скорую»! Быстрее, быстрее, только бы успеть. Ведь не может быть, чтобы Надя...

Никита Кузьмич застонал и схватился за голову, но тут же отдернул руки и выхватил телефон.

– Ало, «Скорая»! У меня жена... упала с лестницы. Нет, не в доме, в квартире. Какая лестница? Обычная, стремянка. Нет! Нет, она не говорит! Дышит ли? Не знаю, я не знаю!!! Пожалуйста, я прошу вас, скорей, иначе я сойду с ума!

– Успокойтесь, «Скорая» сейчас будет, – произнёс ему в ухо бесстрастный женский голос. – Ждите. – Диспетчер отключился.

Никита Кузьмич снова склонился над женой.

– Надя! Ради всего святого, очнись! Приди в себя, поговори со мной!!

Надежда Сергеевна молчала и не шевелилась. Никита сел рядом с ней на пол, вытер взмокший лоб. Надо ждать. Приедут врачи, помогут, они должны помочь. Это просто кошмарный сон. Сон...

Он очнулся от звонка в дверь, тяжело поднялся с пола и вышел в прихожую. Щелкнул замок. Квартиру тут же наполнили люди.

– Вам лучше выйти в соседнюю комнату, – раздался над его ухом спокойный голос.

– Почему выйти? – растерялся Никита Кузьмич, но чьи-то уверенные руки взяли его за плечи, осторожно развернули и подтолкнули к двери. Он зашёл в спальню и опустился на кровать, следом забежал пёс. До него доносились короткие реплики:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.